

Трамвайный мотив в лирике Бориса Рыжего¹

Борис Рыжий (1974–2001) стал уже признанным классиком литературы Урала и вышел на просторы общероссийской словесности. Предлагаемая здесь интерпретация его поэзии направлена на соотнесение творчества Рыжего с одним из устойчивых, но нечасто упоминаемых мотивов русской поэзии.

Как писал тюменский исследователь Н.Р. Скалон, «есть нечто завораживающее в трамвайном мотиве» [1, 137]. Особая мифовалентность образа трамвая связана, по словам Р.Д. Тименчика, с «исконно символической природой города», мифогенность которого «приводит к превращению технических новшеств городского быта в емкие культурные символы ... к тому, что эти символы становятся наследниками традиционных культурно-мифологических смыслов» [2, 141]. «Средство передвижения в любой форме наррации (от коня эпического или фольклорного героя до почтовых, коляски или тарантаса новой литературы), – пишет Скалон, – семантизировано и возносится до символа. Но трамваю принадлежит особая роль. Именно он в гораздо большей степени, чем автомобиль (“мотор”), самолет или ракета, стал выражением наступающей массовой цивилизации» [1, 137].

В городской лирике Б. Рыжего урбанистический образ трамвая выполняет различные функции и «дорастает» до символа не во всех текстах, но текстах важных для понимания онтологии художественного мира поэта. Различные функции образа-символа трамвая в поэзии Рыжего можно условно распределить по нескольким уровням, в зависимости от которых «трамвай» сопровождается определенными наборами смыслов.

Первый уровень – *бытовой, вещный*. В данном смысле «трамвай» всегда является знаком городского пространства, закономерно попадающим в окоем поэта: «Суета городов. / Тихий ропот и шепот печальный. / Бесплезное время. Над струнами *линий трам- / вайных* [здесь и далее курсив в стихах наш. – Т.А.] / нотный стан проводов...» [3, 307]; «В улицах, парках, / *в трамвайных вагонах* – / всюду встречаю / я мертвых знакомых» [3, 342]; «Свернул *трамвай* на улицу Титова, / разбрызгивая по небу сирень» [4, 336].

Изображая реалии города, Рыжий, помимо использования топонимов, расставляет т.н. «опознавательные знаки» в виде точных указаний на маршруты трамвая, позволяющие читателю привязать сюжет текста к конкретному району, месту Екатеринбурга-Свердловска. Для поэта принципиально важна возможность указать с помощью номеров трамвайных маршрутов на периферийность изображаемого им городского пространства – не зря составитель сборника стихов «Оправдание жизни» Е. Зашихин сопроводил некоторые тексты Рыжего сносками: «Например, к “Трамвайному романсу”, где есть строки, мало что говорящие неместным ... [я] сделал примечание: “Второй

---

¹ Исследование выполнено в русле комплексного интеграционного проекта УрО – СО РАН «Сюжетно-мотивные комплексы русской литературы в системе контекстуальных и интертекстуальных связей (национальный и региональный аспекты)».

и пятый – трамвайные маршруты в Екатеринбурге, связывающие рабочие окраины города с центром”. Именно так – пролетарские предместья, а не спальные районы! Точно так же, как и к стихотворению “Я вышел из кино, а снег уже лежит...” приложил уточнение про соединяющие Вторчермет с центром города трамвайные маршруты» [5, 176–177].

Точное указание на трамвайные маршруты находим в уже процитированном отрывке: «Я вышел из кино <...> / и розовый трамвай по воздуху бежит – / четырнадцатый, нет, пятый, двадцать пятый» [3, 107] (в первом издании эта строка звучит так: «четырнадцатый, нет, девятый, двадцать пятый» [6, 50]) – здесь читатель-земляк увидит площадку перед кинотеатром «Мир», именно мимо которого по ул. 8 Марта ходили 14-й, 5-й, 9-й, 25-й маршруты трамвая (сейчас в реконструированном здании располагается театр балета «Щелкунчик»).

В другом стихотворении Рыжего пространство ЦПКиО им. Маяковского опознаваемо благодаря 10-му маршруту трамвая, кольцо которого расположено напротив главного входа в парк: «Дождь прошел в парке отдыха, и не передать, как сильно / благоухает сирень в этот весенний день. / Сесть на трамвай 10-й, выйти, пройти под аркой / сталинской: все как было, было давным-давно» [3, 238].

Такая топографичность лирики Рыжего делает его стихи визуально осязаемыми для читателя-земляка, а потому за счет «радости узнавания» воспринимаемыми им почти как часть личного опыта.

Второй уровень функционирования образа трамвая – *межличностный, субъектно-объектный*: в этом случае анимизированный образ трамвая становится соглядатаем жизни лирического героя. Об анимизации трамвая в русской поэзии Тименчик писал: «Анимизация трамвая (сонного, разбуженного, усталого) в поэзии начала века ... первоначально, по-видимому, была связана с переносом традиции мифологизации, которой обладал исторический предшественник трамвая – конно-железная дорога, или конка». «В зооморфном экстерьере “обнаглевших трамваев” (“Умную морду трамвая” ... “И краснокожие трамваи, погромыхивая мордами ...”) особо выделялись глаза» [2, 135]. И здесь вспоминается стихотворение Рыжего «Помнишь дождь на улице Титова..?», где подобные «живые» (с мордами и глазами) трамваи становятся свидетелями свидания лирического героя: «Помнишь, под озябшими кустами / мы с тобою простояли час, / и трамваи *сонными глазами* / нехотя оглядывали нас? / Озирались сонные трамваи, / и вода по *мордам* их текла...» [3, 262].

Так в течение века происходит одомашивание, интимизация трамвая – машина анимизируется уже вне связи с конкой, а как привычный, близкий человеку, почти живой предмет повседневной жизни.

И, наконец, на более высоком – *символическом* – уровне город осмысливается у Рыжего как мир трамвайных маршрутов. Трамвай структурирует городское пространство, на город или район «набрасывается сетка» трамвайных путей, где остановка воплощает либо пространственно-временной отрезок, потенциально наполненный почти символическим содержанием (см.,

например: «Через пять или шесть остановок въедем в восьмидесятые годы...» [3, 277]), либо порог родного двора, родного дома. Повторяющаяся в двух стихотворениях Рыжего формула «Это наша [с тобой] остановка» является маркером «своего» для лирического героя пространства – промышленных задворок Вторчермета, где поэт Б. Рыжий прожил более 10 лет. Трамвай при этом выступает медиатором между «своим» и «чужим» пространствами, а в иных стихотворениях – и между разными временами. «День добрый, *это наша остановка*, / знакомый по бессоннице пейзаж» [4, 336]; «*Это наша с тобой остановка*: / там – плакаты, а там – транспаранты, / небо синее, красные банты, / чьи-то похороны, музыканты» [3, 277].

В стихотворении Рыжего «Разрыв», иронически изображающем расставание лирического героя с некоей Наташей, трамваю-медиатору предстоит увезти героиню в некое чужое пространство: «...ступай к нему, не все ль равно, / к спортсмену или инженеру, / я только погляжу в окно, / как ты идешь – летишь – по скверу, / заходишь в розовый *трамвай*...» [7, 128].

Кроме того, на символическом уровне образ трамвая функционирует в стихотворении «Нас с тобой разбудит звон трамвая...». «Трамвай» здесь – инструмент пробуждения героя и его спутницы к боли жизни, жизни как несна: «Нас с тобой разбудит звон трамвая, / ты протрешь глаза: / небеса, от края и до края / только небеса... / Будем мы обижены как дети: / снова привыкать / к пустякам, что держат нас на свете. / Жить и умирать / возвратят на землю наши души, / хоть второго дня / я, молясь, просил его: послушай, / не буди меня» [3, 101].

Местоимение «его» в конце стихотворения расположено на довольно большой дистанции от слова «трамвай», к которому оно на первый взгляд относится; таким образом, данный текст оставляет поле для размышления: к трамваю ли обращался, молясь, лирический герой? Или, скорее всего, «эзотерический язык» трамвая [2, 135], его голос, был лишь орудием пробуждения в наполненном у Рыжего бытийным смыслом сюжете (см. также: «Как страшно думать в нежный этот час: / какая боль еще разбудит нас...» [3, 88]).

Особый разговор следует вести об «экзистенциальном напряжении трамвайной поездки» [1, 137] в стихотворении Б. Рыжего «Если в прошлое, лучше трамваем...» [см. подробный анализ стихотворения: 8]. В этом тексте «трамвайный» образ достигает апогея своей символичности: «Если в прошлое, лучше трамваем / со звоночком, поддатым соседом, / грязным школьником, тетей с приветом, / чтоб листва тополиная следом. // Через пять или шесть остановок / въедем в восьмидесятые годы: / слева – фабрики, справа – заводы, / не тушуйся, закуривай, что ты...» [3, 277]. Здесь как раз тот случай, когда «трамвайное путешествие ... оборачивается метафизической авантюрой» [1, 137]. Лирический герой Рыжего вопреки течению времени возвращается в хронотоп прошлого – в кварталы своей юности, к родимому дому. Он, почти как герой «Заблудившегося трамвая» Н. Гумилева, совершает путь на трамвае-«машине времени». Впервые «машинной времени» гумилевский трамвай назвал

исследователь Ю.Л. Кроль в статье «Об одном необычном трамвайном маршруте» [9, 209].

Как справедливо заметила О. Славникова, «кольцевой маршрут “Екатеринбург – Свердловск – Екатеринбург” [разница в именовании города символизирует разные эпохи. – Т.А.]» в творчестве поэта существует за счет трамваев, которым в городе, «как правильно чувствует Рыжий, отведена почетная роль основного вида транспорта» [10, 224]. Неслучайно, создатели спектакля «Рыжий (“Как хорошо мы плохо жили”» (реж. – Ю. Буторин, Мастерская П. Фоменко, Москва, 2010 г.) определили своеобразный жанр своего сценического действия как «музыкальное путешествие из Екатеринбурга в Свердловск и обратно без антракта». Подметив присущую ряду стихотворений Рыжего железнодорожно-трамвайную тематику, авторы постановки разыграли путешествие зрителей-читателей в советское прошлое, воссоздав вполне вагонную атмосферу: вращающийся зрительный зал, проводница, объявляющая остановки.

Нетрудно заметить, что в предшествующей Рыжему литературной традиции «трамвай», подвергаясь мифологизации, нередко выступает как один из способов преодоления времени. Самый яркий пример трамвайного мифа – уже названное нами стихотворение Гумилева «Заблудившийся трамвай», которое, по словам Тименчика, вобрало «в себя многие черты предшествующей культурно-бытовой феноменологии трамвая» и надолго определило «восприятие этого объекта городского пейзажа в отечественной словесности» [2, 141]. К моменту написания Рыжим анализируемого нами стихотворения, а именно в 90-е гг., миф о трамвае, возвращающем в прошлое, проникает и в культуру эстрадной песни: звучит «Один билет» Валерия Леонтьева на стихи Н. Зиновьева («Я взял билет до угла минувших лет...») [11] и «Трамвай пятерочка» группы «Любэ» на стихи М. Андреева [12].

«Трамвай» в стихотворении Рыжего – важное условие путешествия в былое, что оговаривается сразу в первой строке – «Если в прошлое, лучше трамваем...» – таким образом, принципиально важной оказывается «природа трамвая как автомата с заданной программой» [2, 138], «знание» трамваем нужного пути – и в этом его важное отличие от моторного транспорта, не привязанного к рельсам. В данном случае «трамвай» Рыжего, «через пять или шесть остановок» въезжающий в прошлое, вполне законопослушен на фоне фантастического образа заблудившегося, но тоже преодолевающего временные пласты, «трамвая» Гумилева.

Намеченное нами сопоставление известного стихотворения Гумилева и стихотворения Рыжего видится в определенной мере возможным: суждения исследователя Кроля о природе «заблудившегося трамвая» справедливы и в отношении уральского трамвая нашего поэта. Так, Кроль пишет об образе старика из Бейрута, что умер год назад: «Старик оживает подобно тому, как исчезнувшее былое изображение вновь появляется на экране, когда киноленту крутят обратно. Следовательно, трамвай едет в то время, когда старик еще был жив, т.е. в прошлое» [9, 209]. Описанный образ сравним с образом солдата, возникающим в конце стихотворения Рыжего: «Да по улице вечной печали / в

дом родимый, сливаясь с закатом, / одиночеством, сном, листопадом, / возвращайся убитым солдатом» [3, 277].

Противоречивость последней строки объясняется тем, что мы имеем дело с особой «ступенью сознания ... оно обретает себя путем переосмысления и пространственных, и временных представлений» [1, 138]. Между различными временными пластами «существуют “слепые переходы”, или “глухие коридоры”, позволяющие человеку переходить из одного времени в другое; это происходит в особом состоянии – во сне – или, как в “Заблудившемся трамвае”, с помощью “машины времени”» [9, 215]. Здесь можно вспомнить предшествующее «Заблудившемуся трамваю» стихотворение Гумилева «Стокгольм»: «И понял, что я заблудился навеки / В слепых коридорах пространств и времен, / И где-то струятся родимые реки, / К которым мне путь навсегда запрещен» [цит. по: 9, 215].

В заключение выделим некоторые узловые моменты, а именно – черты, присущие «трамваю» Б. Рыжего, следующего в своих стихах за трамвайной традицией XX в.

«Орнитоморфность» трамвайного образа, о которой писал Тименчик, нашла отражение у Рыжего в строке: «и розовый трамвай по воздуху бежит» [3, 107].

Как и в произведениях других авторов, у «трамваев» Рыжего «обнаруживается свой, эзотерический язык» [2, 135]: «Трамваи *дребезжат* бесплатные. / Летят снежинки аккуратные» [3, 171], «Трамвай *гремел*. Закат пылал» [3, 178], «Нас с тобой разбудит *звон трамвая*» [3, 101], «Если в прошлое – лучше трамваем / *со звоночком...*» [3, 277]. Н.В. Барковская отмечает свойственную лирике Рыжего звуковую деталь, уже «ставшую эмблемой поэзии “парижской ноты” – замирающий в отдалении гудок паровоза или звон трамвая» [13, 90].

Кроме того, в литературе за «трамваем» закрепились определенные цветовые характеристики: например, у Роальда Мандельштама трамваи алые (см. цикл «Алые трамваи» [14, 183–195]), кроваво-красные: «В звездную изморозь ночи / Выброшен *алый трамвай*» [14, 187], «А снизу, где рельсы схлестнулись / И черств площадной каравай, / Сползла с колесованных улиц – / *Кровавая капля – трамвай...*» [14, 184]. В той же цветовой гамме трамваи у Б. Рыжего: «заходишь в *розовый трамвай...*» [8, 128], «и *розовый трамвай* по воздуху бежит...» [3, 107], «В *красном трамвае* хулиган с недотрогой / ехали в никуда...» [3, 219].

«Трамвай» как один из основных «носителей городских огней» [2, 136] и образ ночного трамвая также встречается в поэзии Рыжего: «Не забывай, не забывай / игру в очко на задней парте. / Последний ряд в кинотеатре. / Ночной светящийся трамвай» [3, 247], «Ночью поздней в трамвае пустом...» [15, 130].

И, наконец, «трамвай» Рыжего может подвергаться «универсальной аллегоризации» [2, 138] и осмысляться как целый мир: «В стране гуманных контролеров / я жил – печальный безбилетник <...> / Я ездил на втором и пятом, / скажи – на первом и последнем, / глядел на траурных красоток, / выдумывая имена...» («Трамвайный романс») [3, 30–31].

Следует отметить, что прикрепляющиеся к «трамвайному» мотиву негативные смыслы, в частности, как отметил Скалон, «постоянно сопутствующие ему мотивы разрушения, гибели и смерти» [1, 142], на примере лирики Рыжего не проявляются. Если в предшествующей литературе можно отыскать обезглавливающий трамвай («Мастер и Маргарита» М. Булгакова), трамвай как место смерти («Доктор Живаго» Б. Пастернака; песня «Шел трамвай, десятый номер, / на площадке кто-то помер...») или даже трамвай с прицепленным к нему «походным крематорием» для утилизации трупов трамвайных жертв («Веселые проекты» М. Зощенко), то у Рыжего «трамвай» не несет деструктивного смысла, а роль катафалка играет скорее «автобус»: «В автобус гроб февральский погрузили...» [15, 132]; «...и меня, и меня / до отверстия в глобусе / повезут на убой / в этом желтом автобусе / с полосой голубой» [3, 134].

Наш анализ функционирования образа-символа трамвая в поэзии Б. Рыжего еще раз подтверждает справедливость слов Н.Р. Скалона: «В семиозисе городской культуры трамвай приобрел вполне фиксированную семантику. Она стала “бессознательным” фондом художественной традиции. Можно почти с уверенностью утверждать, что любое обращение к “трамвайной теме” станет лишь вариацией уже закрепленного смысла» [1, 143]. Как мы попытались показать, лирика Б. Рыжего продолжает сложившуюся в XX в. «трамвайную» традицию, выбирая некоторые устойчивые смыслы, упроченные предшествующей литературой за образом трамвая, и редуцируя другие.

Библиографический список

1. Скалон Н.Р. Путешествие по старому маршруту (трамвай в русской поэзии и прозе 20–30-х гг. XX в.) // Филол. дискурс: Вестник филол. ф-та ТюмГУ. Вып. 2: Филол. прогулки по городу. Тюмень, 2001. С. 137–144.
2. Тименчик Р.Д. К символике трамвая в русской поэзии // Уч. зап. Тарт. ун-та. Тр. по знаковым системам. Вып. 754. 1987. № 21. С. 135–143.
3. Рыжий Б.Б. Оправдание жизни Екатеринбург, 2004.
4. Рыжий Б.Б. Типа песня. М., 2006.
5. Зашихин Е.С. *Exegi monumentum*. Посмертное издание стихов земляка как опыт музеефикации // Филол. дискурс: Вестник филол. ф-та ТюмГУ. Вып. 8. Тюмень, 2010. С. 170–177.
6. Рыжий Б. И все такое... : стихотворения. СПб., 2000.
7. Рыжий Б. Стихи. СПб., 2003.
8. Арсенова Т.А. «Если в прошлое – лучше трамваем...»: об одном стихотворении Бориса Рыжего // Литература Урала: история и современность: сб. ст. Вып. 5: Национальные образы мира в региональной проекции / Ин-т истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург, 2010. С. 487–507.
9. Кроль Ю.Л. Об одном необычном трамвайном маршруте («Заблудившийся трамвай» Н.С. Гумилева) // Рус. лит. 1990. № 1. С. 208–218.
10. Славникова О. Из Свердловска с любовью // Новый мир. 2000. № 11. С. 220–225.

11. Зиновьев Н. Один билет // Сайт «Московский трамвай» [Электрон. ресурс]. URL: <http://tram.ruz.net/lyrics/poetry/leontiev.htm>
12. Андреев М. Трамвай пятерочка // Сайт «Московский трамвай» [Электрон. ресурс]. URL: <http://tram.ruz.net/lyrics/poetry/lube.htm>
13. Барковская Н.В. «...Любящий сын поэзии русской» // Филол. класс. 2003. № 10. С. 90–93.
14. Мандельштам Р. Собр. стихотворений. СПб., 2006.
15. Рыжий Б. «Вот и все, я побуду один...» : стихи / [публ. Б.П. Рыжего и И. Князевой] // Знамя. 2002. № 1. С. 129–139.